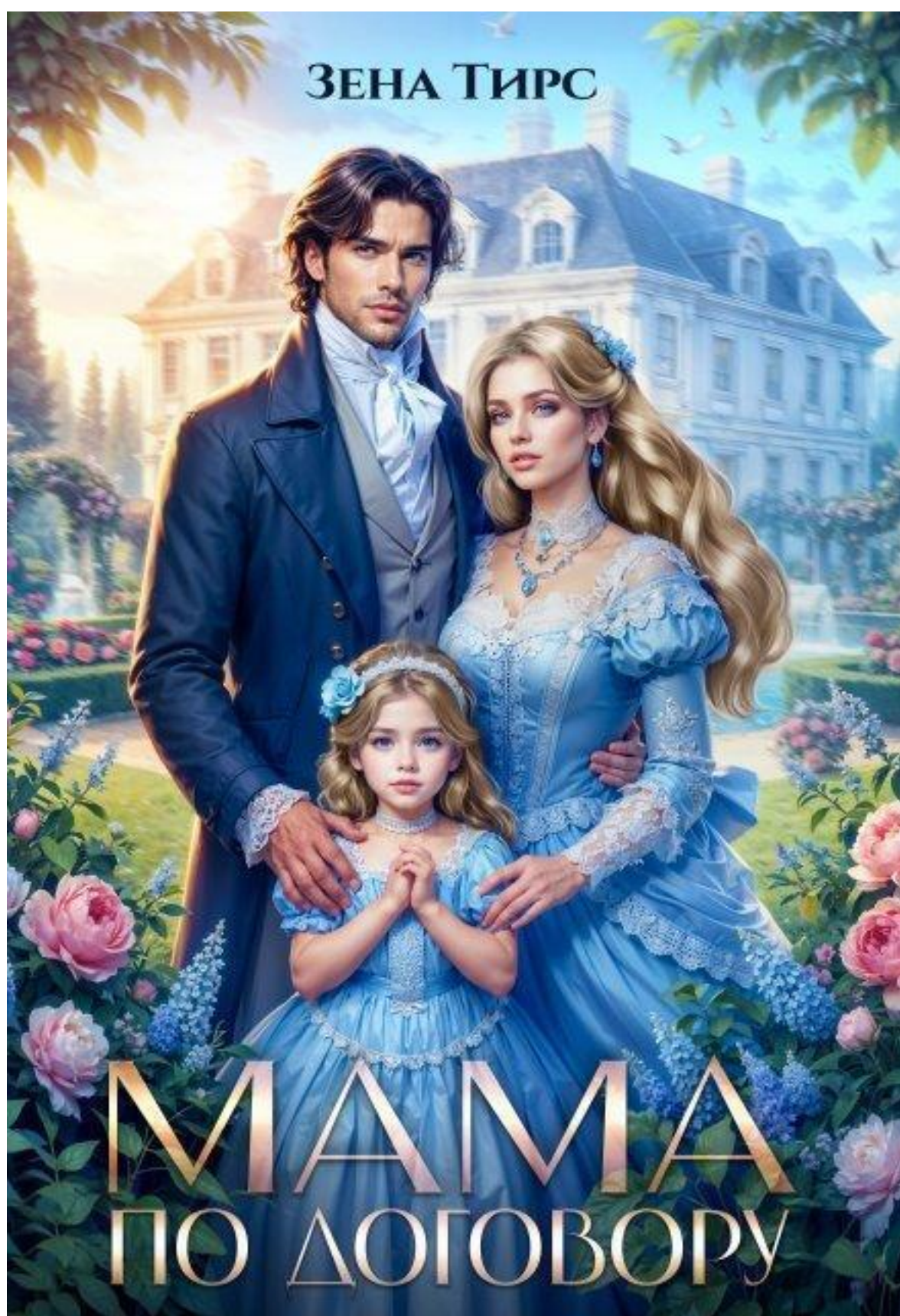

ЗЕНА ТИРС

МАМА
ПО ДОГОВОРУ

Зена Тирс

Мама по договору

«Литнет»

2025

Тирс 3.

Мама по договору / 3. Тирс — «Литнет», 2025

Стать мамой по договору? В мои планы, популярной певицы Анны Королёвой, это не входило! Только судьба не оставила выбора: я умерла. Но Королёва не сдаётся даже в загробном мире! И я заключила сделку: новый мир и новая жизнь в теле императрицы в обмен на рождение наследника престола! Лишь одно условие: никто не должен узнать, что я попаданка. И вот я в постели императора, провожу самую шикарную ночь в жизни. Но оказывается, бывшая владелица тела натворила столько дел, что император ненавидит её, следя за каждым шагом. За каждым МОИМ шагом! Главное, теперь за неустанным вниманием властного дракона не забыть, что у меня просто договор...

© Тирс 3., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
1	7
2	9
3	11
4	14
5	16
6	18
7	20
8	22
9	24
10	26
11	29
12	31
13	34
14	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пролог

Вальтер, Дракон-Император Аэллириш

— Никто не пострадал? — хрипло спросил Вальтер, растирая в пальцах обломок кирпича, вывалившегося из стены.

Дом полностью разрушился. Всюду лежали вещи живших здесь прежде хозяев: медная посуда, льняная одежда, туфля (почему-то одна) и даже детская соломенная кукла. Похожая была и у его дочки Софи — малышка обнимала её сейчас, лёжа в кроватке, и ждала, когда папа придёт пожелать добрых снов.

Но государственные дела снова вынуждают его заниматься ими дни и ночи напролёт — так даже к лучшему, пусть малышка Софи не ждёт его, меньше общения — меньше привязанности. Он подарит ей ещё одно платье или кукольный домик, чтобы не грустила.

— Демоны всё чаще атакуют, Ваше Величество... Вы были дважды тяжело ранены в битвах. Не пора ли обзавестись наследником? — вкрадчиво проговорил советник Императора, сгорбленный карлик, Мати де Мартен.

— Я сам решу, когда и кем обзавестись.

— Но однажды вы погибнете. А Аэллирии нужен Дракон. Это ваш долг! Как и вашего отца, и вашего деда...

— Не тебе говорить мне про мой долг! — прогремел Вальтер.

В воздухе висела густая пыль, пламенея в лучах заката, — зрелище для хозяина мира очень печальное. Император устало провёл ладонями по лицу, расправил плечи и повернулся навстречу солнцу.

Разрушения становились всё серьёзнее. Раньше трясло лишь ненаселённые горы. А сегодня пострадала деревня... Хорошо, Вальтер успел вовремя остановить чудовищ, которые вырвались из-под земли, и никто не пострадал. Но де Мартен прав: времени завести наследника немного.

— Мати, распорядись, чтобы всем пострадавшим построили новые дома и выплатили компенсацию, — приказал Император, двинувшись к portalу, ведущему в императорский дворец.

— Драграй, всем возмещать потери слишком дорого, вам не кажется? — советник прошёл в портал вслед за Вальтером, и они оказались в рабочем кабинете Императора.

— Не перечь. Выполни!

Мати положил руку на шуплую грудь и покорно склонил облысевшую голову, на которой торчало несколько редких, седых волосинок.

Наполнив бокалы янтарной жидкостью, Вальтер передал один из них советнику и сунул в рот сигару с драконьим табаком.

— Доставь леди Аннабет в Драгонхайм, — приказал Император, выпуская сизый дым.

— Наконец-то, Ваше Величество! — обрадовался де Мартен, покрутил бокал и сделал небольшой глоточек. — Может, позвать кого-нибудь, чтобы подержали её, пока вы будете... кхм... исполнять долг? — советник замялся, переступая с ноги на ногу.

— Ты думаешь, я возьму жену силой?! Возможно, это твои повадки, Мати, но я Дракон! Я — закон этой земли! Пока есть я — я никого не дам в обиду, даже мою жену, которая так яростно меня ненавидит.

Властный голос Императора заставил дрожать жидкость в бокалах, со стола разлетелись сложенные аккуратными стопками бумаги.

— Простите, простите, Ваше Величество, конечно... Вам не составит труда обольстить любую женщину, — виновато проскрипел Мати. — Достаточно просто раздеться перед ней, хех, — и она уже ваша, да...

— Замолчи, Мати.

Солнце садилось за гору — и множество домиков, ближних и дальних, скрытых в дымке, разгорались огнями.

— Драграй, но, даже если ваша супруга забеременеет, нужно обеспечить безопасность наследника... После всего, что леди Аннабет с собой сделала... она может уничтожить ребёнка.

— Я буду сам сторожить жену днём и ночью.

Вальтер шумно вобрал воздух и медленно выдохнул, успокаивая поднимающийся внутри гнев. Эта женщина — беда на его голову. Но не её вина, что роды смертельны. Таково проклятие всех Драконов.

— Вы — сторожить беременную? Ой, простите, я плохо себе представляю, — усмехнулся советник.

— Мати! Ты, конечно, в почтенном возрасте и служил многим поколениям моих предков, но не забывай, с кем ты говоришь!

Вальтер вновь поднёс ко рту сигару, глядя на темнеющий горизонт. Он — Дракон, Император Аэллирии. У него особая судьба, не как у всех. Чтобы увидеть, как растёт его сын, ему придётся отринуть остатки человеческого и принять страшный бой с демонами. Страшнее всех тех, что были у него прежде.

— Почему ты ещё здесь, Мати? Приведи Аннабет! — хрипло произнёс Вальтер, переводя взгляд с темнеющей горы на советника.

Тот ожидаемо вздрогнул. Никто не мог вынести прямого взгляда Дракона, наделённого огромнейшей силой в мире.

1

Сию на скамейке и увлечённо прокручиваю в голове мелодию своего будущего хита. Уже слышу, как возьму вибрато в припеве — моё фирменное — от него все в зале, как сумасшедшие, заводятся.

“О-о-о! О-йе-о!” — это что-то невероятное, очень хочется скорее записать, но где взять бумагу? И сигарету, а то я на стрессе, как всегда перед концертом — надо успокоиться.

Только не могу понять, как я оказалось тут. Скамейка, лужайка, и рядом медленно движется очередь унылых людей. Я подхожу спросить бумагу и прикурить, а заодно узнать, куда стоят, может, мне тоже надо? Но на меня хлопают большими глазами и ворчат: “Здесь не курят! Конец та-а-ам!” — и показывают вдаль бескрайней толпы.

Это они со мной так?! Со мной, у которой миллионы поклонников, и каждый из них лишь за один взгляд готов целовать мне ноги?! Эти люди какие-то недалёкие, наверное, из глухой деревни, где обо мне ещё не слышали.

Но ещё услышат!

Так, где же взять бумагу? Мне песню записать надо. Это определённо хит, весь зал будет петь вместе со мной. И очень нужна сигарета. Нервничаю. Буквально одна затяжка — и отпустит. Вокалистам очень вредно, знаю, не делайте так.

Вскоре возле соседней скамейки устраивается лысый карлик с зеленоватой кожей и длинным скрюченным носом в весьма шикарных шмотках: голубой камзолчик, беленький воротничок, золотые цепочки с украшениями на груди. Он притаскивает стол, ставит напротив стул и сидит с важным видом, опрашивая мимо проходящих. Сперва только женщин спрашивал, а потом уже и мужчин стал. Все мотают головой и иногда даже крутят у виска, мол, ты чего, старик, сумасшедший? Карлик в отчаянии берётся за голову и дёргает себя за редкие волосы.

У него там есть бумага! Надо пойти срочно попросить. А заодно и сигарету — кто его знает — раз, зелёный, то наверняка много курит.

Подхожу ближе, вижу белоснежный лист на столе — и дальше как в тумане.

Я хватаю бумагу и лежащий рядом карандаш, сажусь на стульчик и готовлюсь писать свои ошеломительные музыкальные такты.

Карлик возмущённо косится на меня.

— Привет! — говорю я. — Можно же, да? Всё равно, смотрю, вы не пишете.

— Что?! — рывкает зеленокожий, сверкая маленькими чёрными глазками. Они у него фиолетовыми искрами переливаются, жуть! — Это дело государственной важности! Отдайте сюда бумагу!

— Так пустой же лист? Или секретные дела написаны секретными чернилами? Точно. Как я не догадалась? Ладно, забирайте. А другого листочка нет? Мне небольшого кусочка хватит, записать кое-что.

“О-о-о! О-йе-о!” — мотив настойчиво прокручивается в голове.

— Уходите немедленно! — прогоняет карлик.

— А сигарет у вас нет?

— Уходите отсюда, вы мне народ распугаете!

Яжимаю плечами. И этот меня не узнаёт?! Недовольно фыркаю, встаю и иду к своей скамейке.

— Стоять! — снова командует карлик.

Я медленно оборачиваюсь.

— Вы здесь расписались! — он тыкает на лист бумаги.

— Я лишь проверяла, пишет ли карандаш, каракулька совсем маленькая, не видно же почти.

— Вы мне сразу не понравились, ещё когда на скамейке сидели! Слишком... м-м... красноволосая и в перьях! — карлик обводит меня искрящимся от злостью взглядом, так что мои выкрашенные в ярко-красный цвет кудри начинают выпрямляться, а кожаное платье с глубоким декольте — стыдливо ползти к подбородку.

— Не смейте на меня орать! — Я обещала себе, что больше никогда не дам себя в обиду. Хватило моего продюсера. Любила его, как наивная дуручка, а он большую часть моих денег себе в карман клал и с любовницами за спиной развлекался. До сих пор сердце ножом режет, как вспомню его с ними в нашей постели. Никто, никто больше не посмеет плохо обращаться со мной!

Расправляю плечи, гордо поднимаю подбородок, и карлик от моего величественного вида горбится, опуская крючковатый нос.

— Эх, мне теперь за новым листом идти из-за вас! — рычит он. — Вы хоть знаете, что попасть сюда требовало невероятных усилий, я задействовал кучу связей, которые заводил на протяжении тысяч лет! Теперь, в лучшем случае, новый пропуск выйду через месяц, а дело просто позарез, какое срочное!

— Которое ещё вчера должно было быть сделано?

— Именно! Поэтому, раз уж тут ваша подпись, садитесь и слушайте. Меня зовут Мати де Мартен, я главный советник Императора Аэллирии, и хоть с вашим видом и манерой общения вы мне совершенно не нравитесь, но лучше вам согласиться на то, что я предложу!

2

Ну ладно, испортила бумажку старичку, он расстроился. Чтобы искупить вину, послушаем, что скажет. Соглашаться не собираюсь. Никаких сомнительных сделок — это моё правило.

Снова опускаюсь на стульчик и поднимаю глазки с длинными выразительными ресничками на зеленокожего карлика.

— Неужели мир надо спасти? — усмехаюсь я, опираясь на локти.

Но старичок не оценивает шутки, смотрит серьёзно и даже с порицанием на моё искреннее веселье.

— Как вас зовут? — спрашивает он, нахмутив облысевшие брови.

— Аня, — отвечаю я. — Анна Королёва, певица такая известная, наверняка слышали?

— Анна, хм... Интересное совпадение. Нет, про певицу не слышал. Вы уже осознали, что вы мертвы, Аня?

Вот он мне сейчас сердце разбил!

Не из-за смерти, нет, а от того, что не слышал про меня! Про меня — известнейшую певицу, обладательницу множества наград и премий, любимицу публики!

Гастроли за границей с ежедневными выступлениями на протяжении года. Они так изматывали меня. Долгое время я пила поддерживающие таблетки, и вот прямо на сцене перед тысячной толпой... я упала — резко заболело сердце. Последнее, что помню, как меня прямо в костюме с короной на голове и в перьях грузили в неотложку.

— Острая сердечная недостаточность. Мы её теряем, — говорили они.

Судорожно вздыхаю, обнимая себя за плечи.

— Это... это ужасно... Я правда умерла?

— Ну, если вы попали сюда без специального пропуска. — Карлик тыкает в свой бейдж на груди, на котором что-то неразборчиво написано. — То вам вот в эту очередь. — И кивком головы указывает на проходящих мимо бледных людей. — Это очередь забвения, Аня.

У меня шок! Глаза — блюдцами!

Я гляжу на нескончаемую вереницу людей, и мне становится реально страшно. Только теперь по-полной приходит осознание, что всё закончилось. А ведь мне было-то всего двадцать семь. Столько невыполненных планов и нереализованных мечтаний. Мужчину любимого не встретила, детей не завела, и даже ни разу, скажу вам по секрету, не испытала оргазм. Со своим продюсером пять лет провела, ещё юной девочкой встретились. И больше никого никогда не было. Уже три года одна блин: сама себя продюсирую.

Я ведь теперь даже песню гребаную не запишу!

Сижусь потерянная, потираю лоб. Курить до ужаса хочу. И вот даже мелодия забываться стала. Нет, нельзя забывать — это всё, что у меня есть. Она будет хитом, я должна её записать и послать на Землю!

— А почта тут есть? — спрашиваю я, поглядев на карлика.

— Я предлагаю вам серьёзную сделку, перестаньте шутить! — шипит он, сверкая фиолетовыми глазами. — Вы можете пристроиться в конец этой очереди, Аня, или можете использовать второй шанс на жизнь, который я вам предлагаю.

Я вскакиваю, рвано дышу, словно охваченная лихорадкой. Шанс упускать нельзя! Я ведь та, кто ловит удачу за хвост!

— Я готова! Готова, конечно! Что надо делать? — выкрикиваю я.

— Спасти мир, — усмехается старик и откидывается на спинку.

— Значит, я угадала?

— Почти. Садитесь обратно и слушайте.

Я сажусь, нервно теребя краешек концертного платья и с опаской гляжу на карлика.

— Так что нужно делать? — спрашиваю я. — Ведь я не супергерой: всего лишь певица.

— Видите ли, Аня, мой мир нуждается в наследнике. Но жена Императора рожать отказалась. Я буду честен с вами, в деле замешано проклятие, от которого мать умирает в родах. Вот Императрица и испугалась. Теперь у вас есть возможность провести приятную ночь любви с Императором, а затем жить целых девять месяцев, ни в чём не зная отказа. Вы будете молодой красивой императрицей, которую все боготворят и обожают.

— Девять месяцев, а потом всё? Смерть?

— Ну, так положено.

— А это проклятье можно как-то снять?

— До вас было много попыток — все печально закончилось. Но вы, конечно, можете попробовать, даже забавно будет.

— Вы мне расскажете о проклятии?

— Это долго, Аня. Не сейчас. Времени очень мало! Я всё вам расскажу позже, в конце концов, девять месяцев жизни — неслыханный подарок в вашем положении! Соглашайтесь быстрее!

Что верно, то верно.

Я та, кому сопутствует удача! Я смогу снять проклятие! Вот даже после смерти второй шанс получила — его-то я не упущу.

— А у вас в стране все такие... м-м... зелёные? И Император тоже страшненький и пухленький? — осторожно спрашиваю.

— Если страшненький и пухленький, то вы откажетесь?

— Нет. — Вы продюсера моего не видели. Любовь зла.

— Решительная Анна. Думаю, мы найдём с вами общий язык! — гогочет карлик. — Тогда пока вы не передумали, перейдём к договору.

Старичок кладёт передо мной тот самый листок, на котором я расписалась, ведёт над ним кривыми пальцами, и на бумаге проявляются буквы.

— Ваша подпись уже стоит в нужном месте, Аня, вы удачливая. Но вы хотя бы прочтите договор, чтобы потом вопросов не было. Это магический язык, вы всё поймёте.

3

Беру в руки лист, гляжу на слова — язык и правда понятный.

Читаю:

“Я, обречённая на забвение душа, возвращаюсь в царство живых, в мир Аэллирии, в тело покончившей с собой императрицы Аннабет, чтобы зачать и родить наследника”, — О, как интересно, так это можно же долго зачинать и продлить себе жизнь?

— Я знаю, о чём вы подумали, Аня, — кряхтит старичок. — Зачатие произойдёт при первом же совокуплении. Императрица — носительница родовой силы Вальтера, тело подготовлено, не хватает только плоти отца, чтобы появился ребёнок.

Ну, допустим. Другой мир — другие правила. Ладно. Читаем дальше.

“Права обречённой на забвение души:

1. Пользоваться всеми благами, какие положены императрице, пока жизнь её не закончится”. — Один пункт всего?! Не густо.

— Не хмыкайте, читайте до конца, — говорит карлик.

“Обязанности:

1. Хранить тайну о содержании настоящего договора.

2. Не выдавать себя ни единому существу.

3. Не делать того, что причинит вред младенцу.

4. Выполнять всё, что ещё прикажет советник Императора Мати де Мартен.

В случае нарушения договорённостей, силой магии настоящего договора обречённая на забвение душа немедленно покидает Аэллирию и отправляется обратно в приемную царства забвения”.

— Если нарушите что-то из списка, — переводит карлик с канцелярского на нормальный язык, — то этот договор вас сам перенесёт сюда, где мы с вами находимся.

Старичок довольно улыбается, поигрывая скрюченными пальцами.

Я обвожу его строгим взглядом так, что он начинает ёжиться и улыбка сходит с зелёной физиономии.

— Последний пункт уберите, я вам не кукла, и ничего кроме того, что чётко обозначено, выполнять не собираюсь.

— Ах вы какая! — шипит карлик, проводя пальцем над пунктом “четыре”, и тот исчезает.

— Какая есть!

Читаю дальше документ:

“Договор вступает в действие немедленно, срок действия — до первого крика новорождённого наследника”.

Добегаю глазами до последней строчки. Графа для подписи, моя там уже стоит. Поднимаю взгляд на карлика.

— Пока тело ещё тёплое, надо спешить! — шипит карлик.

Я снова гляжу на листок, тереблю пальцем краешек. Курить хочется до безумия. Страшно. Дети не входили в мои планы. Но и умирать — тоже в них не входило! Я сделаю это, запишу свою новую хитовую песню, устрою себе концерты по всей этой Аэллирии, все меня так же обожать будут, как на родной Земле. Беременность до последних месяцев ничему не помеха. А проклятие я сниму — где наша не пропадала? Я себя из такого г..на подняла. Не было ни мамы, ни папы — умерли в автокатастрофе, когда мне было пять, и я жила в семье тёти четвёртой девочкой по счёту, самой младшей, носила обноски двоюродных сестёр. И ещё в самый первый год жизни в новой семье все забыли о моём дне рождения, и никто никогда больше не вспоминал. Как выросла — дни рождения праздную с размахом, обязательно на

сцене! Нет, я не могу уйти в забвение. Я голос себе сделала, внешность, фигуру: грудь, губы. Я всю себя сама сделала. Я буду жить дальше и буду любима!

— Если этот ребёнок не появится на свет, Аня, то Аэллирия погибнет, — скрипучим голосом причитает зеленокожий, глядя на то, как я мрачнею, задумавшись. — Только в ваших руках спасение множества жизней. Ну?

— Есть сигарета? — шепчу я.

— Что?! — возмущённо кричит карлик. — Вам нельзя курить, вы будете вот-вот носить ребёнка-Дракона! За умышленный вред наследнику договор верёт вас к смерти.

— Дракона? А вот этого вы мне не говорили! Ваш Император — ящерица?

— Нет. Он Дракон! Он — Слово, он — Закон, Честь, Мужество Аэллирии — так он говорит. Но не переживайте, он больше человек, чем высшее существо, и там, — карлик показывает вниз, — у него всё там в порядке, как у обычных мужчин.

— А недостатки у него есть? — язвлю я.

— Полно! Но самым главным все считают то, что он чёрствый сухарь. Властный. И ещё грубоват со мной. Со всеми то ладно, но со мной!!!

Какой заносчивый карлик!

Я громко хмыкаю и снова опускаю взгляд в договор, теребя губы. Все мужики чёрствые властные ящеры — вот вообще не удивил.

Как же хочется закурить и успокоиться! Я должна понять, где тут подвох. Как я сама себя продюсировать стала, так договоры по атомам разбираю. Всё должно быть предельно ясно и понятно.

— А она красивая? Императрица... — уточняю я.

А то вдруг уродина.

— Одна из красивейших женщин Аэллрии.

— Старая?

— Двадцать пять.

О, почти, как мне! Надеюсь, она очень хорошо о себе заботилась, и её не настигнет инфаркт в молодом возрасте.

— А шрамы после... после того, что она с собой сделала? — я затаиваю дыхание.

— Нет никаких шрамов... это... это было отравление...

— Я буду инвалидом от передозировки, больная?

— Нет, полностью здоровая. Я успел вовремя, исцелил тело, но душа уже отошла. Никто не знает о попытке самоубийства, так что об этом тоже следует молчать.

— У меня ещё один вопрос. — Обвожу строгим взглядом карлика, его маленькие чёрные глазки флуоресцируют очень ярко — сейчас дыру во мне прожгут.

— Спрашивайте!

— Если я всё сделаю, рожу, спасу мир, сниму проклятие, какова моя дальнейшая роль? Быть женой, воспитывать младенцев?

— Вы слишком далеко загадываете, там посмотрим!

— Нет, я хочу знать в каком статусе я буду жить в вашем мире? Я не хочу быть ни рабыней, обслуживать Императора, ни вытирать детям попы.

— Аннабет императрица и у неё будут помощницы. С мужем они ненавидят друг друга, так что всё обойдётся лишь одной встречей, ради долга. Потом леди Аннабет будет отослана в специально оборудованный дворец под охраной вынашивать ребёнка. После родов, наследника передадут специально обученной команде воспитателей и нянек. Ваш долг будет выполнен. И за ваш проявленный героизм во благо страны Император вполне может снизить и позволить вам жить, где угодно и с кем угодно, конечно, если это не будет предаваться огласке. Я, так и быть, замолвлю словечко, он всегда ко мне прислушивается.

— Давайте внесём это в договор. К списку моих прав! — требую я.

Карлик фыркает, но выполняет и дописывает пункт о свободе и содержании в договор.

Теперь я что-то вроде суррогатной матери, у которой после родов будет полная плюшек жизнь. Если доживу.

— Ну, хорошо, возражений у меня больше нет, — говорю я и перекладываю ногу на ногу.
— Расписывайтесь вы теперь, Марти Мартин.

— Мати де Мартен! — поправляет мой новый партнёр, ставя загогулистый росчерк внизу страницы. — Теперь договор магически скреплён. Если вы, Аня, откроете кому-либо правду о том, что вы не леди Аннабет, то мигом вернётесь в забвение. Вам всё понятно?!

— Да, я читала договор. Можно мне мой экземпляр?!

— Договор в единственном количестве! — сердито шипит карлик.

— Тогда давайте его мне сюда! — перемещаю к себе документ и складываю на него ладони.

Ну, вот и всё. Шанс на жизнь получен. Осталось дело за малым — родить ребёнка, снять проклятие и остаться живой. Ой, самое главное-то забыла — ещё ночь с Императором! Ой-ой, с пухлым старичком — как я поняла, если он на своего советника похож. Надеюсь, ему хватит пары минут. И нет-нет, я ни в коем случае не расстроюсь, даже не смотря на то, что три года не была с мужчиной.

4

Зеленокожий карлик в расчудесном камзоле хитро улыбается и потирает ладони.

— Добро пожаловать в Аэллирию, Аня! — торжественно провозглашает он и достаёт из внутреннего кармана жёлтый камень в металлической оправе.

Касается им меня, и всё вокруг вспыхивает ярким светом. Я слепну и жмурюсь. Ощущение полёта — словно меня выбросили из самолёта с парашютом.

В смысле, без парашюта!

Лечу пылинкой в белых лучах какое-то время, кажущееся мне целой вечностью. А потом всё заканчивается так же резко, как и началось. Свет меркнет, подо мной что-то твёрдое — я больше не лечу. Но глаза открыть пока побаиваюсь.

Новый мир.

Новая жизнь, за которую придётся побороться.

Главное, снова не умереть молодой!

Мой новый хит срочно требует, чтобы его записали: “О-о-о, о-йе-о!”

Я всё помню, я молодец. Правда курить охота ещё больше. Надеюсь, в этом мире есть сигареты?

— Аня, ты слышишь меня? — раздаётся над ухом шепчущий голос.

Я открываю глаза и понимаю, что лежу в постели. Вокруг меня продолжает мерцать свечение, и в его желтоватых лучах я вижу уже знакомую лысую физиономию Марти Мартина. Надо сказать, очень удивлённую физиономию.

— У нас всё получилось! — щебечет он.

— А разве могло не получиться?! — возмущаюсь я. — Страховку от несчастного случая нужно было оформлять, ввязываясь в вашу афёру! Кстати, а где теперь наш договор?! — Я шарю глазами по сторонам. Вокруг всё другое, и от бумажки не осталось и следа.

— Ваш договор пока останется у меня, — говорит Мартин. — Вас тщательно обыщут. Я верну его вам позже, когда забеременеете.

Я открываю рот, чтобы возмутиться, ведь чувствуя, дурят меня. Договор должен быть у меня в качестве страховки!

— Спокойно, Аня, — шепчет опасным заговорщицким шёпотом Мартин. — Этот договор магический и всё, что в нём написано, будет исполнено, хотим мы или нет!

— Я не скажу, что вы меня этим успокоили!

— Договор подписан и вступил в силу вне зависимости от того, где и у кого он хранится!

Я возмущённо складываю руки на груди, и ахаю от изумления — они светятся миллионами искорок, как будто я вся посыпана бриллиантовой крошкой.

— Очуметь! — шепчу восторженно.

— Да, интересный эффект.

Ощупываю лицо, грудь — мне очень интересно, как я теперь выгляжу. Замечаю в комнате большое напольное зеркало между шкафом и ширмой и мигом вскакиваю, чтоб рассмотреть себя.

Фигура, вырастающая в отражении в длинной ночной сорочке, двигается довольно грациозно, мне нравится. Подхожу ближе, разглядываю себя — я вся свечусь, и даже грудь бесстыдно поблескивает под сорочкой. Заглядываю в ворот — ух, какая она большая!

Волосы словно кусочек лета: светлые и с запахом мёда, заплетены в длинную тяжёлую косу. Вся кожа переливается перламутром. Глаза — светло-голубые, холодные, как лёд. А у меня были тёплые, карие. На счёт возраста — да какие двадцать семь? Мне от силы восемнадцать! Такая вся прям щупленькая и наивная!

— Потом полюбуетесь, слушайте скорее, Аня! — карлик тянет меня за руку и разворачивает к себе.

Щурится от ослепительного свечения моей кожи.

— Так всегда будет? — спрашиваю я, довольно любуюсь ладонью.

— Сейчас пройдёт.

— Жаль.

— Это временный эффект из-за того, что вы пришли от-ту-да! — Мартин тычит кривым пальцем вверх (а выглядит, как будто показывает куда-то в сторону преисподней).

На счёт сияния, он прав, оно меркнет на глазах, и вот кожа обретает нежный молочно-розовый цвет.

— А вот то, что вы скинули лет пять-семь — это даже удивительно, — хмыкает старик. — Видимо, душа у вас очень сильная и передала жизненную силу физическому телу. Но драграй вас примерно такой и помнит, так что разницы не заметит. Сейчас я перемещу вас порталом во дворец к императору, он вас давно уже ждёт, злой уже.

— Может, от долгого ожидания, ваш ящер императорский быстрее справится с делом?

Я передёргиваю плечами от волнения, а Мартин отчего-то усмехается.

— Вы только его так не называйте, хе. Обращайтесь только Ваше Императорское Величество или можно короче — драграй — он наш верховный Дракон, повелитель всей Аэллирии.

— Поменьше пафоса, ладно? Здесь пафос — это я! — отдёргиваю кисть из корявых лап карлика, который тискает её уже продолжительное время.

— Без пафоса нельзя, уж извольте, Аня! Его Императорское Величество Вальтер — Дракон-Император — победитель хаоса. А-ха-ха. Защищает мир от огнедышащих тварей, землетрясений и извержений вулканов. Бережёт Аэллирию со всеми её добрыми людьми, единорогами и бабочками.

Мой сообщник кивает на окно — и я бросаю взгляд на улицу. Там отгарает закат, и фиолетовые перья облаков умиротворённо плывут по небу, словно ладьи. И кажется, что где-то там в далёком золотом ореоле, который их окутывает, царит прекрасная праздная жизнь. Я должна быть именно там, в свете сияющего солнца!

Всегда!

— Пойдёмте, Аня. Драграй ждёт, — говорит Мартин и указывает кривой рукой на ширму. — Только платье наденьте, не могу привести вас так... Вальтеру не понравится. Последние пять лет он вообще к леди Аннабет мужчин не подпускает. Ну, кроме меня, и то издали.

Проходя за ширму, я усмехаюсь над словами Мартина про мужчин. Он себя в зеркало-то видел? А Император-то какой у нас собственник! Жену никому не показывает, ай-ай-ай! Но я-то без публики не могу.

5

— И пожалуйста сделайте так, чтобы вас не раскусили, Аня! — доносится скрипучий голос сообщника. — Только одна ночь. Постарайтесь не разговаривать. Как всё закончится, драграй отправит вас под охраной в место содержания на море, там новые люди, никто вас не опознает.

Я открываю гардеробную, находящуюся за ширмой, шагаю внутрь и балдею. У императрицы тут наряды, как мои концертные, только камни и золото настоящие! Да я всегда мечтала о таком! А-а-а! Даже корона лежит!!! Ах, мамочки, я в раю!

Со счастливыми всхлипами выбираю платье. Останавливаю взгляд на бордовом, под цвет вина, с глубоким декольте, обшитым золотыми нитями. Да, это подходящий наряд для роковой ночи.

Не знаю, как Его Величество, но я планирую оторваться. Жизнь ведь так коротка.

Стягиваю сорочку.

— Вот чёрт! — Обнаруживаю, что императрица, кажется, уже рожала: вокруг животика небольшие растяжки. Я надеюсь, на меня ещё детей не навесят, помимо того, что будет в животе?

— Что там у вас, Аня? Ой, пора называть вас Аннабет, — воркует карлик, приближаясь к ширме.

— Всё в порядке, Мартин! — резко отзываюсь я. — Только к окну отойдите и отвернитесь!

А то вдруг дверь просвечивает.

— Мати! Меня зовут Мати, запомните! — возмущается зеленокожий, голос его становится более далёким и глухим — отошёл, значит.

Я смотрю на длинные до колен панталоны, которые лежат передо мной, и понимаю, что я не бабуля и это не надену. Лучше пойти без белья, чем в этом. Время на раздевание Императору сэкономлю. Решаю обойтись без панталонов и натягиваю на стройные ножки лишь полупрозрачные чулочки, крепя их ремешками к тонкому поясу на талии. У моего супруга-ящера наверняка полно любовниц, но он позеленеет, увидев меня сегодня. Императрицу! Мы, женщины с Земли, отчаянные, и от этого такие прекрасные!

Я должна выжить!

— Что по поводу проклятия, Мартин? Вы мне расскажете, кто его наложил? — кричу я, затягивая корсет. Справиться нетрудно — мои концертные костюмы и позамороженнее были.

Только вот длинная ухоженная коса — это не тот образ девочки-припеочки, к которому я привыкла. Расплетаюсь, раскидывая по плечам длинные волнистые волосы. Беру лежащую на полке щётку и высоко зачёсываю, создавая себе подобие львиной гривы. Секси-секси девочка!

Туфельки на шпильке, корона — всё, я готова. Просто тащусь от своего образа. Не императрица — богиня!

Выхожу, и карлик, поглядев на меня, роняет челюсть.

Да, я обалденно выгляжу, я знаю. Спасибо, можете не аплодировать.

— Конечно, я вам всё-всё поведаю про проклятие... в течение долгих вечеров, в которые вы будете оставлены без мужского внимания... — елеинным голосом поёт зелёный.

Какие ещё вечера?!

— Довольно! — резко выговариваю я и закрываю челюсть старику. — Это всё для Императора вашего чешуйчатого, и не для кого больше!

— Да-да... Он вас уже заждался... Надо спешить.

Карлик шумно дышит, что-то ища по карманам, и наконец, достаёт фиолетовый слегка светящийся камень.

— Сейчас открою портал. И вы пойдёте к нему. Готовы? — спрашивает Марти.

— Подождите! Мне нужна сигарета!

— Ни в коем случае!

— Маленькая затяжка! А просто понюхать?

— Прекратите это! — шипит карлик. — По условиям договора, вам нельзя! Так что ведите себя благоразумно, Аня!

— Ладно, Мартин. Давай, открывай портал.

Пора с этим разобраться.

— Мати!!! — рычит сквозь зубы карлик, и складывает пальцы в жесте, касается скрюченной кистью магического камня, и передо мной вспыхивает портал. — Приятного вам вечера, Аня!

Язвительно кошусь на карлика, делаю глубокий вдох, затем длинный выдох, и вхожу.

Я оказываюсь в погружённой в полумрак комнате. Взгляд первым делом выхватывает огромную, по-настоящему императорских размеров кровать с чёрной простынёй. Одеяла нет — а зачем, спрашиваются?

Возле сексадрома на подставках горят свечи, словно в церкви. Но пахнет в комнате приятно: цитрусами, жарким пламенем и цветущей вишней. Удивительное сочетание.

Слышу шумный выдох позади. Раздаётся уверенный шаг в мою сторону. Это Император. Спиной чувствую, он большой и сильный. И он заждался. И я тоже. И вот мы, наконец, встретились.

— Здравствуй, Аннабет, — хрипло говорит он. Его голос, как бархат, приятно обволакивает слух.

Сердце бьётся чаще, затаивая дыхание и осторожно поворачиваюсь, чтобы увидеть господина моей сегодняшней ночи.

А он... он не зелёный. Он божественно красивый мужчина!

6

Император делает шаг ко мне, и я робею, словно школьница. Словно и не было тех лет на сцене, когда я была повелительницей стотысячной толпы и заводила стадионы смелыми песнями. Перед Ним я снова маленькая и беззащитная девочка.

А он великий. По-настоящему великий. Каждой клеточкой тела ощущаю его силу и власть надо мной и всем, вообще всем вокруг.

Фигура Императора высокая и мощная, но одет он по-домашнему просто — в чёрные брюки и чёрную рубашку с широким воротом, и я люблю его крепкой шеей, загорелой кожей и рельефными мышцами груди.

От волнения, предвкушения или ещё чего-то пока непонятного сводит живот, внутри порхают бабочки.

А ну, прекратите, безвольные насекомые, есть у вас совесть?! У меня тут долг перед человечеством Аэллирии, и влюбляться я не планировала.

Я очень боюсь его прикосновения.

Но он мне нравится, а значит, всё будет не так плохо. А может быть, даже очень хорошо.

Мужчина обжигает поцелуем кончики пальцев. Замираю, не дыша от сладкого волнения, разливающегося по венам. До дрожи сковывает страх.

Не бояться, Аня! Анна Королёва ничего не боится.

Отсчитав три удара сердца, я поднимаю взгляд — как всегда, поверх прожекторов, в безликую толпу. Но только теперь передо мной он один. Император.

Окутавший нас мрак делает черты мужского лица хищными и острыми, как будто он скульптура, выточенная из мрамора. Взгляд бездонно-чёрный, пугающий — словно за ним находится целая бездна, и я тону в её бесконечности. Падаю в самую её глубину и растворяюсь, остаюсь там на веки. Этот мужчина таит в себе что-то нечеловеческое, опасное и древнее. Я должна бы испугаться, захотеть убежать, но тьма ласково обволакивает и успокаивает.

Яркий всполох свечи за моей спиной развеивает наваждение, подсвечивая на мгновение лицо Императора. Только теперь я вижу, что глаза его на самом деле не состоят из тьмы, а мерцают золотом, и зрачки в них вертикальные — как у... Драконов. Да, он ведь не человек, он — Дракон, иное существо. Осознание, что я рядом с самым величественным созданием этого мира, заставляет страх растекаться мелкой дрожью по венам.

Я гордо встряхиваю пышной гривой волос, чтобы напомнить себе о том, кто я: а я ничего не боюсь.

— Здравствуй, Аннабет, — произносит мужчина.

Он скользит ничего не выражающим взглядом по моей вызывающей причёске, обводит декольте и фигуру, но остаётся таким же ледяным, лишь слегка приподнимает бровь.

Не взбудоражила? Ну, по крайней мере, привлекла внимание — первый шаг к победе.

— Вы ужинали, моя леди? — Низкая вибрация его голоса поднимает волоски на коже и волнует нутро.

Голос мягкий, ласковый, но в нём запечатана великая сила. Я хмелею от близости этого мужчины, даже не выпив ни глотка вина.

— Я не знаю... в смысле, да, наверное, — шепчу я, опуская взгляд на его строгие мужественные губы.

Нельзя много болтать! Любая фраза может выдать меня, ведь я ничего не знаю об этом мире. Император в два счёта меня раскусит — и конец моей новой жизни.

Давайте переходить ближе к делу, Ваше Величество. К вон той чёрной широкой кровати.

— А я вот ещё не ужинал, весь день был занят. Составите мне компанию?

— Да, я, пожалуй, съем что-нибудь.

Уверена, он чисто из вежливости предложил, но перечить Императору лишний раз не стоит, особенно во время первого знакомства. Буду вести себя скромно, буду молчать.

Да и если честно, я голодна. Когда мне не дают закурить, я нервничаю и хочу сунуть в зубы хотя бы бутерброд.

Император осторожно приобнимает меня за талию и ведёт к столу, на котором накрыт ужин и стоят свечи. Прикосновение сильных рук обжигает даже сквозь плотную ткань платья, и миллион мурашек сбегает по позвоночнику, вызывая сладкое волнение внутри.

Я вдыхаю опьяняющий аромат цитрусов и жаркого пламени и понимаю, что этот запах принадлежит господину моей сегодняшней ночи. А ещё от него пахнет табаком, но с ноткой какой-то неизвестной мне травы. Терпко-горькой, вяжущей, сводящей с ума! Она действует на меня, как валерьянка на кошку.

Втягиваю глубоко запах, наслаждаясь до одури. Тихо мурлычу.

— С вами всё хорошо? — хрипло рокошет мужчина, опалая жарким дыханием обнажённую чувствительную шею.

— Всё хорошо. — На самом деле я еле держусь, чтобы не упасть. В моей голове почти не осталось связанных мыслей рядом с этим великолепным мужчиной. А ведь мы ещё не отправились в кровать. Не целовались даже. А он, наверняка очень хорошо целуется, и в постели тоже хорош.

Держись, Аня! Не подавай виду, что он хоть сколько-то тебе симпатичен. Спалишься ведь. Жена вот не просто так от него бегала!

Его Величество усаживает меня за стол и сам садится напротив. Дрожащими пальцами я расстилаю на коленях салфетку и украдкой любуюсь, как красивые мужские руки наполняют бокалы тёмной рубиновой жидкостью...

7

На Императорском столе горячие блюда, разнообразные сыры, мясная нарезка, фрукты. Мужчина подкладывает мне всего на тарелку и вновь наполняет выпитый мной бокал. Я думала, там вино — всё выхлебала махом, рассчитывая захмелеть и успокоиться. Но это был сок, всего лишь сок.

Мы едим молча, но тишина за столом не вызывает у меня внутреннего напряжения. Мне спокойно с этим мужчиной, как дома, хоть я и впервые его вижу. Ловлю себя на мысли, что мне даже жаль, что у нас с ним всего одна ночь — Мартин сказал, что меня отошлют сразу же после.

Кладу в рот ягоды, раскусывая нежную мякоть. Сладость спелой вишни дарит небывалое наслаждение. Такой вкусноты не ела даже на гастролях в южных городах.

Его Величество усмехается, обводя меня темнеющим взглядом. Я мурлыкаю тихонько и тянусь за новой ягодой. Но Император опережает и сам меня кормит, поднося ягоду. Мягко касается большим пальцем моих губ — прикосновение волнует и заставляет судорожно дышать.

Воздух густеет от напряжения, и аромат цитрусов, вишни и терпкой травы сводит с ума.

Взгляд мужчины более основательно изучает мою грудь, пышно стоящую в откровенном декольте, плечи, причёску, всё чаще задерживаются на губах. Чувствую почти осязаемо, словно меня ласкают невидимой рукой. Я выпляжу, как царица, я знаю. Анна Королёва знает, как себя вести, чтобы мужчины горели и страстно желали.

Я тоже уже не стесняюсь и с увлечением рассматриваю в отсветах свечей сидящего передо мной мужчину. На нём нет короны — это немного удивляет. Хотя почему? Ведь от него и так за километр веет силой и могуществом. Он не нуждается в лишних доказательствах своего превосходства. Чёрные волосы подстрижены коротко, по-военному, и уложены в идеальную причёску — так и манят нарушить строгий порядок и запустить в них пальцы.

От подобных мыслей о прикосновениях к мужчине в животе стягиваются узлом мучительно-сладкое томление. Весь этот ужин и взгляды, словно как прелюдия перед главным. И я, кажется, уже достигла рубежа, чтобы двигаться дальше.

— Вы сильно изменились, леди Аннабет, — вдруг говорит Император. — Стали совсем иной, будто другой человек.

Радужки мужчины опасно мерцают золотом в свете свечей — только бы не догадался! Но всё же что замечание за комплимент.

Я почти не дышу, боясь вот-вот признаться во всём, что я не его жена. Рядом с этим мужчиной просто невозможно что-то утаить и быть лживой. Он Слово. Он Закон.

Мартин Мартин говорил, что Его Величество не заметит никакой разницы, но вот — говорит, что я другая.

— Правда? — Я робко улыбаюсь, но изо всех сил держу взгляд прямо. — Вы тоже изменились.

Переведём стрелки! Пусть сам мне отвечает.

Император приподнимает бровь и расслабленно откидывается на спинку стула. Сколько грации и властности в одном простом движении. Я медленно делаю глоток сока, наслаждаясь эстетикой мужского образа. Сердце вдруг колит грустинка, что этот вечер и ночь скоро закончатся, а ведь мне так хорошо с ним и интересно. А главное, спокойно.

Между нами гудит сексуальное напряжение, и достаточно маленькой искры, чтобы всё взорвалось, бабахнуло и разрушило эту вселенную и несколько соседних.

Сидящий напротив мужчина притягивает и завораживает, хоть я и совсем его не знаю. Мне приятно, что он не торопится, не набрасывается на меня ради исполнения долга, а сперва кормит, поит, искушает. Если ещё и подарок подарит — я буду вовсе покорена.

— Ты понимаешь, зачем я велел тебе прийти ко мне, Аннабет?

— Да. Вы хотели зачать ребёнка, — шепчу я тихо, но вполне уверенно.

Мужчина кладёт горячую ладонь поверх моей ледяной кисти и гипнотически глядит на меня.

Внутри всё дрожит от могущественного взгляда, колени под столом ходуном ходят.

— Сегодня и впредь называйте меня Вальтер. И не бойтесь, Аннабет, я не буду груб, несмотря ни на что...

— Аня, — прерываю его. — Тогда и вы называйте меня Аня.

Несмотря ни на что — это интересно за что??

— Хорошо, Аня, — мягко улыбается Вальтер, поднося мою кисть у губам.

Короткий поцелуй волнует душу сильнее пламенных объятий, и все мысли из головы летят прочь.

А какая у него улыбка!

Невозможно не улыбнуться в ответ.

Ледяные корочки, которыми мы отгородились друг от друга, миглом тают, и меня всю, как щепу, пущенную по течению, начинает тянуть к сидящему напротив мужчине.

— Я приготовил для вас кое-что, Аня, — хрипло говорит Вальтер, извлекая из внутреннего кармана коробочку.

Ставит её передо мной.

— Подарок?! — умилённо вскрикиваю я.

Сердце замирает от восторга. Ведь сегодня особенный день. День моего второго рождения и первый день знакомства с... мужем. Как приятно, что мне что-то дарят, а-а-а!

— Да, это подарок. Откройте, — кивает Вальтер.

8

Касаюсь бархатной коробочки. Она вытянутая, и мне до безумия интересно, что там внутри. Мне редко дарят настоящие подарки, вот такие, чтобы с сюрпризом и там что-то приятное. Это предвкушение, я его с ранних-ранних лет его уже не испытывала. Последнее время мне дарили исключительно огромные охапки цветов, которые тут же приходилось выбрасывать, ведь не увезёшь с собой в новый город. Конфеты дарили, которые я отдавала звукам и всем ребятам, работавшим на сцене. Ещё часто получала шампанское, которое так же раздавала. Кислятина, не люблю его, больше вино предпочитаю. Мало кто знал, чем меня можно порадовать по-настоящему.

А чем, кстати?

О, если в этой коробочке сигара, заправленная точно таким же ароматным табаком, каким пахнет от Императора — я буду мяукать кошечкой и крутить хвостом перед его лицом.

С замиранием сердца открываю и вижу длинный вытянутый, с инкрустированной рукояткой и весьма витиеватым кончиком...

Ключ!

Да, это просто ключ. Хоть и золотой, с рубинами и всё такое, но всего лишь ключ. Не сигара.

Поднимаю непонимающий взгляд на Его Величество.

Что он хотел этим сказать? Или, может, я чего-то не знаю?

— Это ключ от родовой сокровищницы, Аня, — говорит Император. — За наследника я должен подарить вам любую вещь на этом свете, какую вы только пожелаете. В сокровищнице есть всё, и всё это теперь ваше.

Вальтер не отпускает мою ладонь, гладит уверенно.

Но я не становлюсь веселее, ведь никакая вещь на свете не продлит мне жизнь.

— Традициями положено дарить супруге подарок на рождение наследника, Аня, но я приношу дары сейчас. А после рождения подарю вам кое-что большее... — Его Величество отклоняется и тянется к стоящей неподалёку скамье, поднимая с неё огромный меч в украшенных драгоценными камнями ножках. От вида оружия, которое всё это время, оказывается, так близко лежало, у меня перехватывает дыхание, потому что видно, что меч по назначению уже использовали, царапины есть и зазубрины. Кажется, я даже вижу запёкшуюся кровь. Бр-р.

— После рождения наследника, я весь мир вам подарю, Аня. Эгос мориарс сид вивек(*), — низким зловещим голосом говорит Его Величество на каком-то непонятном языке, целует перекрестье меча и откладывает его обратно на скамью.

Затем Император вновь поворачивается ко мне, берёт за руку и смотрит тёмным-пре-тёмным взглядом. Жар близко сидящего мужчины заставляет кипеть кровь в венах. А аромат терпкой табачной травы снова дурманит сознание. Страсть между нами наэлектризовала воздух и готова сжечь напалмом всю комнату и дворец в придачу.

Я тону во взгляде Императора.

Сегодня случится ночь, которая перевернёт всю мою жизнь. Я никогда не буду прежней, как бы ни старалась. Испуганно отдёргиваю руку и поднимаюсь из-за стола, мчусь в сторону окна, подальше от мужчины и интимной близости — я хочу отсрочить неизбежное. А может, и отказаться вовсе. Любовь и жизнь не шутки, не поле игры для лжецов, а я лгу. Лгу ему. Но стоит мне перестать лгать, как заключённый мною договор отправит меня назад, в забвение.

Вальтер встаёт за мной, приближается со спины, и я мгновенно оказываюсь в кольце его рук. Сильных и надёжных. Мужское дыхание обжигает незащищённую шею. Он касается губами осторожно, словно успокаивая, виска, обнажённого плеча, медленно разворачивает к себе, и я

тону в его бездонном золотом взгляде. Обнимаю мужчину в ответ обеими руками, ища защиты, прижимаюсь к его широкой груди.

Пожалей меня, Вальтер, согрей меня, мне так холодно и страшно.

Император целует в макушку и замирает, поглаживая по плечам словно маленькую девочку.

Мы долго так стоим.

— Я даю слово, что уберегу вас, Аня, — хрипло шепчет он.

Он — Слово. Он — Закон. Но десять поколений до него не уберегли своих жён!

Берусь за мужчину крепче, обнимаю так, как никого ещё не обнимала. Нутро всё дрожит. Страшно. Он нужен мне, просто необходим. А я нужна ему. У нас обоих впереди пропасть. Я чувствую, что для него эта ночь не менее судьбоносна, чем для меня. Но вместе... вместе мы сможем преодолеть. Наверное...

Вальтер обводит моё лицо большими пальцами и осторожно поднимает к себе. Касается губ.

Поцелуй. Нежный, неторопливый, изучающий.

Но ведь он уже целовал свою жену, так чего же церемонится со мной?

Однако мне нравится то, как медленно, томительно, но неотступно, он ведёт нас к главному. К близости.

Поцелуй углубляется, и моя скованность слетает, как шелуха. Чего же я веду себя, как школьница? Ведь он мне нравится! Я его хочу! Он мой муж!

9

Берусь за крепкие мужские плечи, обнимаю Вальтера за шею. Вдыхаю будоражащий терпкий аромат и вплетаю пальцы в волосы на затылке, сжимая в кулак — пусть только попробует отстраниться.

Мы не стесняемся, отдаёмся страсти, обнимаем друг друга, целуем, кусаем, дышим шумно и жарко, будто голодали по близости много лет.

Я глажу и вцепляюсь пальцами в его рубашку. У него под ней такие крепкие мышцы, что не могу перестать наслаждаться. Широкая мощная спина, м-м, я едва ли смогу обхватить её полностью. Руки и плечи — вообще моя любовь — вовек не забуду их силу и нежность.

— Аня, Анечка... — шепчет Вальтер, прижимая к себе, и я ощущаю твёрдое желание мужчины через слои одежды.

И снова дрожу, как девочка.

— Вальтер, — произношу его имя, судорожно дыша, смакую звуки на губах. — Валь. Валь...

Мужчина, удивлённый вольным сокращением своего величественного имени, усмехается низкой хрипотцой, а затем поднимает меня на руки и несёт к кровати.

Дальше я не знаю... Не знаю, как найти слова, чтобы всё передать. Хотя тело и не моё, но я так сильно чувствую своего мужчину, каждой клеточкой, словно мы созданы друг для друга. Словно вселенные сошлись и раскололи миры ради этой нашей встречи.

Вальтер умело расшнуровывает корсет, обнажая мою грудь. Я чувствую себя уязвимо, но он осторожно целует в губы и гладит полукружие, успокаивая, утешая, лаская — не даёт мне испугаться. Он со мной, весь мой, и я хочу быть с ним, обхватываю его за плечи, прижимаю к себе.

Страсть захватывает нас, и, Император, словно нетерпеливый зверь, срывает с меня слои юбок и вдруг охает. Застывает, разглядывая меня в одном лишь пояске и чулках.

Да, такого бесстыдства он ещё не видел.

Вальтер отмирает, переводит дыхание, усмехается и целует меня благодарно в губы. Спускается ниже, обжигает касаниями кожу. Гладит и ласкает меня везде. На моём теле не остаётся ни одного сантиметра, где бы не было его губ и прикосновений. Даже там... да, там... Он разводит мне бёдра и трепетно целует. Все разумные мысли тут же покидают голову. Я становлюсь чувством, оголённым нервом в руках опытного властного мужчины. Он возносит меня на вершину, но не отпускает, не даёт сорваться, хотя стоит ему чуть-чуть подтолкнуть, и я воспарю.

Я молю его, умоляю, прижимаю к себе и шепчу что-то невразумительное. Мы оба влажные, горячие, взведённые. Сильные руки скользят по моей коже, сжимают грудь, строгие губы дразнят соски, и я кричу, желая мужчину. Желая безумно. Пламенея. Сгорая от страсти в его руках.

— Возьми меня, Валь, я больше не могу, — стону я, всхлипывая от сладкой истомы. Дрожу, плачу и ликую одновременно. — Пожалуйста, Валь...

— Всё будет, Анечка, — судорожно выдыхает он. — Посмотри на меня, девочка моя. Аня... Смотри на меня.

Я распахиваю ресницы, и вижу строгое лицо с золотыми глазами. Зрачки расширены на всю, на лбу мерцают капельки пота. Вальтер напряжён, внутри него кипит страсть, настоящий вулкан, который вот-вот разверзнется.

— Валь, — шепчу я, обводя кончиками пальцев его лицо, и он берёт в рот мой палец, обволакивая упрругим языком.

— Анечка, я никому не отдам тебя. Эгос мориарс сед вивек, — повторяет свою заколдованную фразу, и врывается в меня раскалённым стальным естеством, пронзая до самого сердца.

Я выгибаюсь дугой, впиваясь ногтями в его спину, и мучительно стою, отдаваясь мощным ритмичным толчками.

Мы вместе, мы едины и движемся в страстном танце. Вальтер ведёт нас и возвышает над землёй, обнимая крепко и беспрестанно целуя. И я получаю свой, никогда прежде небывалый, оргазм. Он накатывает неотступной волной, и я парю, словно птица. Пищу, извиваясь, хочу просто пережить это. Этот экстаз, сладким электрическим током разбегающийся по нервам. Но меня накрывает новая волна. И ещё. И ещё. И ещё. И ещё...

И ещё. И снова. И опять.

А-а-а-ах!!! Вальтер!

Я умерла, потому что живые не испытывают такого счастья. Они не способны столько счастья пережить!

Мы лежим с Вальтером на смятой постели, словно после изнурительной борьбы. Все влажные, распалённые. Муж, теперь уже точно мой полноправный муж, переворачивается на спину, подтягивая меня к себе. Кладёт на широкую грудь, обнимает и укрывает простынёй.

— Всё свершилось, — таинственным шёпотом рокошет Вальтер, перебирая мои пряди и целуя в висок.

Кто говорил, что он бездушный и чёрствый? Он самый любящий на свете!

Я делаюсь совершенно счастливая в неге крепких объятий.

Это была самая страстная и самая прекрасная ночь в моей жизни. Я уже не жалею, что пришла сюда, в этот мир, к этому мужчине. Оно того стоило. Тихонько улыбаюсь: как же хорошо, что он не зелёный карлик. Прижимаюсь к Вальтеру, поглаживая его сильную грудь пальчика, и мечтаю, что мне удастся спасти всех нас, ведь я сильная. Но я займусь этим завтра.

А сегодня любовь.

10

Вальтер, Дракон-Император Аэллирии

Жена уснула в его руках, нежная хрупкая девочка. Лёгкими прикосновениями, он гладил её волосы, обводил кончиками пальцев лицо — знакомое прежде, но сегодня совсем иное. А может, он забыл её после многих лет разлуки? Она поступила непростительно, и он отослал её прочь, заточив в башне Гемшир. Сильнее наказать он её не мог — ведь лишь она одна, его истинная пара, принявшая родовую силу, может стать матерью наследника.

Аннабет была юна и легкомысленна, она восторженно радовалась, когда родители, богатый род Лонгейр, отправили девочку к Императору на отбор невест. Для любой семьи породниться с Императором было почётно и выгодно. Аннабет восторгалась, когда на одном из испытаний на их запястьях появились метки пары.

Отгремела пышная свадьба — праздник на всю страну, юная леди с улыбкой принимала поздравления, подарки, и главное — корону, которую надели ей на голову. Её глаза сияли, когда она была провозглашена императрицей Аэллирии. Тогда же случился первый поцелуй, и Вальтер передал силу рода супруге. А вот дальше всё пошло не так, как он планировал. Аннабет, как будто только в тот миг поняла, какая ноша легла на её плечи. Какая ей уготована судьба. Она не пожелала смириться и стала всячески избегать обязательств — и для Дракона наступило проклятое время, какого ни один Дракон Аэллирии до Вальтера не переживал.

После рождения Софи, они больше не виделись. Прошло пять лет. И вот новая встреча. Внешне жена ничуть не изменилась, даже не постарела — значит, её магия усилилась, и она поддерживает красоту внутренней силой.

Вальтер думал, что супруга будет сопротивляться, кричать, впадать в истерику, но девушка покорно взошла на ложе, как положено императрице. Она поразила его хладнокровием. И хотя Аннабет храбрилась и держалась сильной, он, конечно, видел, как она дрожала. И её смятение и внутренняя борьба, тронули его сердце.

Когда Аня убежала к окну из-за стола, маленькая и испуганная, он двинулся за ней неотступной скалой, обнял крепко, стараясь утешить и поддержать. Если бы его воля, он бы никогда не стал обрекать женщину на то, что придётся им двоим пережить, но они должны пойти на этот шаг, чтобы этот светлый мир жил. Он сделает всё, чтобы защитить супругу, отдаст жизнь и даже больше. Больше, чем делали его отец и дед и много поколений до него. Он всё сделает, чтобы на душа Ани, ни ребёнка не попала к демону Алькасару — это его долг, как мужа и Императора.

Стена, которую Вальтер выстраивал долгие годы вокруг своего сердца, разрушилась в эту ночь. Лаская в объятиях прекрасную женщину, подарившую ему безумно страстную ночь, он поймал себя на мысли, что никогда никого не подпускал, не утешал, не любил. Всегда был железным и порой жестоким, но сегодня... Сегодня он сорвался в пропасть. Что-то в спящей у него на груди девушке заставило его открыться, неистово полюбить.

Вальтер впервые ощутил себя живым человеком, и это чувство сделало его уязвимым. Именно потому что отец сильно любил мать, он и погиб. Нельзя любить, нельзя привязываться, человеческое не для Дракона.

Вальтер обнял своё сокровище крепче, прижал к сердцу, невесомо поцеловал в лоб. Пусть то, что было сегодня в этой спальне тут и останется. Чувства — непозволительная роскошь для него...

Стиснув зубы, Вальтер смиренно старался попроситься, но вдруг почувствовал взрыв силы. Зачатие долгожданного наследника состоялось. Теперь они с Аней родители. Теперь он отец — глаза Дракона увлажнились. От человеческих чувств отречься очень сложно...

Вальтер нежно поцеловал волосы спящей Анечки, поцеловал лицо, уголки губ, и она неожиданно улыбнулась в ответ на его ласку. Проснулась, обняла за шею, потянула к себе — и... И всё повторилось снова. Страсть и любовь до оголённых нервов.

И снова.

А потом... Потом она сотворила такое... Анечка забралась на него верхом. Женщины никогда не садились верхом на Дракона — это против традиций и законов, но он ей не отказал. Ни в чём не отказал той ночью. И обрадовав её снова, и ещё раз, и ещё, Вальтер уложил измученную Анечку отдыхать. Она так мило обняла его руку, потеревшись щекой. Он поцеловал супруге плечо, шею и лёг сзади, прижимая к себе, к самому сердцу.

Вальтер не заснул в ту ночь, ошалевший от новых неизведанных прежде чувств: острых и полных, накрывающих с головой, словно шторм.

Но нужно возвращаться к делам... Нужно заковать сердце обратно в лёд и стать тем, кто он есть, — Драконом-Императором.

Оставив сладко спящую Аню, Вальтер оделся и отправился на правящий совет в зал совещаний. Все министры сидели, ждали, затаив дыхание. Император должен объявить о долгожданном наследнике. Но Вальтер решил сделать заявление позже, после осмотра Ани мэтром, чтобы всё точно было хорошо.

Совет занял два часа. Два томительных часа, в которые он не мог избавиться от мыслей о прекрасной женщине, спящей в его постели. Столько важных дел требуют внимания, а он только и думает о её красивых ножках, об округлой груди и несравненной улыбке. А её глаза... В них отражалось всё торжество души, когда он возносил её на пик удовольствий. Он была его. Они любили друг друга в эту ночь.

Наконец решив вынесенные на совет вопросы, Вальтер всех отпустил и закурил сигару, откидываясь в кресле. Внутри всё сгорало от воспоминаний о ночи, и даже успокаивающий драконий табак не помогал. Хорошо, что он установил подглядывающие зеркала в спальне и может любоваться спящей Аней, когда пожелает.

Нежная девочка... Его богиня...

Не вовремя доложили, что пришла леди Орфея и просит аудиенции. Но настроение у Вальтера было отличным, и он её пригласил.

Орфея — рыжеволосая пухленькая девушка с маленькими зелёными глазками встала перед Драконом, робко заламывая пальцы. Хотя робкой она не была. Во дворце леди появилась недавно, закончив школу воспитателей магов, обаяла всех судей на отборе наставниц и заняла пост главной няни для будущего наследника. Орфея приходилась племянницей самой леди Катрин, лучшей подруги матери, которая воспитывала Вальтера с младенчества. Она попросила за девушку, и он не мог отклонить её просьбу. Леди Катрин не чаяла души в Орфее и любила её, как дочь, ибо своих детей у неё не было.

Но девушка сразу подолгу стала заглядываться на Императора, расцветать улыбкой, когда он входил в зал. Надевала неприличные для няни наряды с глубоким декольте и щеголяла перед ним, желая обратить внимание. Глупо смеялась и много болтала за обедом, что он уже хотел уволить её, но леди Катрин попросила дать девочке шанс. И вот, кажется, она пришла свой шанс угробить.

— Присядьте, леди Орфея, — хрипло проговорил Вальтер, выпуская сизый дым. — Чем вы пришли?

— Ваше Величество... — заговорила леди Орфея, но вместо того, чтобы опуститься на стоящий напротив стул, девушка подалась вперёд, выпячивая полную грудь и опустилась на колени перед Вальтером. Обхватив его ноги, она оказалась опасно близко к его напряжённому (от мыслей о жене, конечно) естеству.

— Орфея! — прорычал Дракон, опаяя властным взглядом. — Вс-с-станьте немедленно.

— Мой Лорд, Мой Император, драграй... — зашептала девушка, потираясь грудью о его колени и приближаясь осторожными прикосновениями пальцев к тому самому.

Вальтер взял девушку за плечи и отстранил от себя.

— Ты уволена.

— О, Мой Император, прошу, выслушайте меня! — Орфея упала на колени и сомкнула руки у груди в умоляющем жесте.

— Я люблю вас, Мой Господин! Всегда любила. Я хочу, чтобы вы это знали.

— Я женат, Орфея!

— Но другим мужчинам это не мешает, они всегда заводят фавориток, — игриво улыбнулась девушка. — Тем более леди Аннабет так жестоко с вами поступила. Вы имеете полное право поступать также, как она.

— Я не другие, Орфея. Я — Дракон. Ещё одно слово в сторону моей жены — и отправишься в темницу!

— Мой Император! Неужели вы так поступите со мной? Пожалуйста, не делайте этого! Леди Катрин получит удар, тётушка сейчас больна, вы же знаете, она может не перенести расстройства. Прошу не выгоняйте меня и не отправляйте в темницу! Ведь, никто лучше меня не позаботится о вашем малыше: я хорошо обучена, и главное, я уже люблю его, потому что люблю вас!

На тему любви Вальтер никогда не был непробиваемым. Это было его уязвимое место. Он потерял родителей при рождении, леди Катрин растила его, была для него словно мать.

— Идите готовьте комнату для наследника! — властно произнёс он.

— Конечно, конечно, Мой Господин! Уже бегу! Спасибо, Ваше Величество, — Орфея вновь приблизилась и благодарно поцеловала перстни на руке Императора.

— Идите, Орфея. И больше не просите аудиенций, иначе это будет последним, что вы попросите!

Девушка, несчастно вздохнув, двинулась к дверям и на пороге столкнулась с управляющим Драгонхайма, лордом Редмондом.

— Вы звали меня, драграй? — Низко поклонился жилистый крепкий старичок с пепельной аккуратно подстриженной бородкой.

— Я уже отдал распоряжения придворным лекарям и специально отобранным слугам, которых сам лично проверял, отправляться во дворец на побережье и готовиться к встрече с леди Аннабет. Я сделал всё, как вы велели, Ваше Величество.

— Теперь я хочу попросить тебя о другом, лорд Редмонд. Перевези лекарей и слуг обратно в Драгонхайм, моя супруга останется вынашивать наследника здесь.

— Останется? То есть после всего, что она сделала... Останется... Хорошо. С Вашего позволения, драграй.

11

Спали мы недолго. Ох, не знаю, спали ли вообще?!

Помню, как была сверху, а Вальтер обводил меня ошалевшим взглядом, словно тигр, которого впервые уложили на лопатки, а я была его букетом валерьянки. Он крепко держал меня за талию, насаживая на себя, стального, твёрдого. Да он вообще не расслаблялся за эту ночь! Возможно, у него там кость, как у моржей? Невероятный Дракон! Дракон, подаривший мне столько наслаждения, заставивший восторженно кричать от счастья и жалобно молить о нём.

Как теперь смотреть ему в глаза...

Стыдно как...

А самым сладким моментом было то, когда Вальтер положил меня спать. Он гладил меня благодарно и нежно, невесомо целовал в волосы, и я мурлыкала кошечкой, погружаясь в негу и забываясь от всех грядущих забот.

И вот теперь кто-то настойчивый стучит в дверь, вырывая меня из самых сладкий грёз, которые почему-то пахнут свежими розами.

Делаю глубокий вдох, наслаждаясь цветочным ароматом, и лениво присаживаюсь на постели, держась за голову. Всё идёт кругом, а ведь я вчера совершенно не пила. Шла в постель совсем трезвая — и тем более страшно думать о том, что здесь произошло вчера по моей собственной воле и согласию.

И порой инициативе.

Но теперь всё иначе. Яркий свет, зуб даю, что уже полуденный, льётся из окон на тёмно-дубовый паркет, золотит украшения на мебели и пускает зайчиков по моей постели.

Смущённо оборачиваюсь на огромной кровати, в поисках мужчины. Но Вальтера уже нет. А вместо него на подушке лежит большой-большой, нет, просто огромный, букет из кремовых роз.

Да, это самый большой и самый вкусно пахнущий букет, какой я только видела в жизни, но... Опять скучные цветы.

И тем не менее я тяну охапку себе на грудь. Нюхаю, любуюсь, вспоминая чувственные прикосновения мужчины и наши поцелуи. Тихие стоны и мощные, доводящие до экстаза толчки. Голова кружится от удовольствия. Это правда я пережила? Я испытала сотню оргазмов? Невероятно...

Интересно, а ей, хозяйке этого тела, всегда с ним так было? Так же хорошо...

Горькое чувство сковывает сердце и режет в груди. Неужели я ревную? Нет-нет... это ведь только контракт. Работа!

А сама робко тяну ладонь к животу, осторожно прикладываю. Получилось ли? Сомнений нет — у таких, как он, всё получается. Тем более, он очень старался, да и я тоже...

Я ношу его ребёнка...

Радость и страх вспыхивают одновременно. Страх за то, что мне предстоит разгадать тайну проклятия, которое не могли снять много поколений Драконов до меня. Нужно поскорее найти Марти Мартина и получить всю информацию.

И когда я сниму проклятие... (в чём я не сомневаюсь) меня ждёт новая счастливая жизнь.

Продолжаю гладить живот, представляя его большим и круглым. Перед глазами всплывает детская колыбелька, и я чувствую на плечах тепло мужских рук — и мне хорошо, как будто я всегда только об этом и мечтала.

А как же свобода? Песни? Стадионы? В договоре прописано моё стремление к свободной жизни, и Мартин обещал её обеспечить. Сто тысяч поклонников, которые будут подпевать мне

“о-йе-о” — это будет лучший хит, я спою его людям и буду купаться во всеобщей любви! Не нужны мне эти мужские руки, всегда предающие...

Из плена мыслей вырывает вновь раздавшийся стук в дверь.

— Леди Аннабет, вы проснулись? — осторожно спрашивает девичий голос. — Леди Аннабет, я леди Иден, пришла помочь вам собраться на обед.

Обед. Ну вот, я же говорила, что уже обеденное время. Кстати, есть я очень хочу после такой-то ночи. И сигарету-у-у. Если я не найду сейчас, что закурить, буду грызть карандаши, как бобриха.

— Леди Аннабет? — Почти отчаянный стон, и я сдаюсь.

Подтягиваю простынь к груди:

— Можете войти! Я проснулась, да-а.

— Добрый день, — здоровается молодая девушка, проходя в спальню.

Она красива и молода, лет шестнадцати на вид, со светлой косой вокруг головы и в нарядном, явно дорогом, пурпурно-золотом платье.

— Меня зовут леди Иден, я кузина Его Величества. — Девушка скромно улыбается и тербит пальцами кончик длинной косы. — Вы, наверное, меня не помните, мы с вами виделись лишь раз на вашей свадьбе, мне тогда было всего десять лет. Драграй велел позаботиться о вас, леди Аннабет.

Я слушаю девушку, держа лицо каменным, а она всё лопочет и лопочет ангельским голоском.

— Вы можете найти мне сигарету? — наконец говорю я. — Здесь есть что-нибудь закурить?

Иден, или как там её, ширит глаза и крутит головой.

— Вам нельзя, это повредит малышу!

— Малышу повредит то, что мать сейчас умрёт от нестерпимой муки. М-м! Принесите сигарету!

Конечно, я знаю, что это очень плохо для ребёнка, но привычки невозможно изменить вот так сразу! Надо бросать, знаю-знаю, тем более всё равно хотела, а ещё этот договор, в котором я обещала не причинять этому телу вреда...

— Хотя бы подержать, всего лишь понюхать... — стону я.

— Хорошо, раз так сильно хотите, то принесу. Только сперва у драгая спрошу, но придётся подождать, он сейчас на аудиенции с леди Орфеей.

Я широко распахиваю глаза, и миг желание курить пропадает.

— Кто ещё такая эта леди Орфея?!

12

— Кто такая леди Орфея, Иден?

Кровь закипает в венах. После всего, что было ночью, всех ласк и поцелуев и трепетного шёпота — ему разве меня мало?!

Ну, Дракон!

— Кто она?! Кто она такая?! Почему молчите? Расскажите мне!

— Леди Орфея — это старшая няня будущего наследника.

— Красивая? — Я ширю глаза, как готовая к нападению кошка.

— Весьма красивая.

— Что она хочет от Императора на аудиенции?

Конечно, ясен пень, что она хочет.

— Я не знаю, я не осведомлена о делах нянь, я герцогиня. Его Величество попросил меня по-семейному позаботиться о вас. Леди Аннабет, прошу, вставайте скорее! Мэтр Юрге ещё ждёт встречи с вами.

— Кто это? Зачем? — лениво спрашиваю я, заворачиваясь в простынь и становясь похожа на римскую горожанку.

— Как зачем? Осмотреть вас, проверить малыша. Драграй велел.

Проверить малыша... Да, мы сделали ребёнка, выполнили долг, и ничего личного. Теперь Император пошёл заниматься своими делами с молодыми нянечками, а мне предстоит превратиться в курочку-наседку.

Не понимаю, отчего так обидно, ведь я всего лишь следую договору, выполнить который добровольно согласилась?!

— Вставайте же, вставайте, леди Аннабет! — юная герцогиня суется возле кровати, размахивая руками. — Вас ещё нужно одеть и причесать. Уже скоро обед. В вашу честь, между прочим! Опаздывать неуважительно — ведь вы сегодня самая главная персона в Драгонхайме! Да и во всей Аэллирии!

Главная персона, хм! Повоюем, Аня, повоюем. Покажем, кто тут императрица и достойна всеобщего внимания!

Я откидываю от себя подальше охапку роз и выпрямляю спину.

— Где у вас тут ванная?

— Здесь, идёте, сейчас провожу вас... — Иден даёт руку, и я оперевшись на неё, схожу с горизонтального пьедестала.

Ах, у меня болит всё, совершенно всё. Я не то что идти ровно не могу, мне даже стоять больно. После концертов такого не было! Но признаюсь, боль приятная, сладкая, но нет, нельзя улыбаться. Это только приятные бонусы к исполнению условий договора. Порадовалась и хватит! Надо поскорее Марти Мартина найти и вывести у него проклятие, ведь обратный отсчёт уже начался, и у меня не так много времени до превращения в ходячий шарик. Вряд ли я смогу потом много двигаться.

Юная герцогиня ведёт меня в соседнюю комнату, где всё окутано паром, и указывает на купель. Я бы лучше в душ, но ладно, и ванная сойдёт, потому что невозможно хочется смыть с себя всё, что оставил Дракон, р-р! Но смыть удастся всё, кроме главного. Придерживая ладонями животик, словно он уже отяжелел, хотя ещё и намёка на его увеличение не было, я опускаюсь в тёплую воду и ощущаю невероятное наслаждение. Наверняка сюда добавили что-то магическое, укрепляющее, возможно, какой-то эликсир, потому что тело мгновенно отходит от ломоты, набирается сил, и я чувствую себя гораздо бодрее.

Значит, и малышу это на пользу. Интересно, а у него будут глаза такие же золотисто-чёрные и реснички пушистые, как у отца?

Боже, Аня, о чём ты! Это не твой ребёнок. Ты тут лишь суррогатная мать. Вообще, пора сделать то, зачем я так сюда рвалась!

— Иден, а дайте мне, пожалуйста, чем писать и на чём писать?

— Прямо сюда?

— Да, это безотлагательно! Это очень срочно, некогда объяснять!

Юная герцогиня мчится в спальню и возвращается с чем-то наподобие записной книжки и огрызком грифельного карандаша — похожие карандаши были и у нас на Земле.

Я сажусь ровно, обмакиваю руки белоснежной тряпицей, беру пишущие принадлежности и прикрываю глаза, позволяя воображению воспроизводить мелодию, которую я так сильно мечтаю выразить на бумаге.

Рваными штрихами разлиновываю лист, делю на такты и пишу ноты, одну за одной, быстро, едва разборчиво, но вот она льётся, моя музыка, я слышу её в голове со всеми инструментами. Здесь будет лиричная клавишная партия, а тут подключатся гитары, и хоровое пение:

— О-о-о! О-йе-о!

А потом я одна фирменным горловым вибрато пою:

— “О-о-о!”

А затем подхватывает зал:

— “О-йе-о!”

Так, но тело-то у меня другое! Смогу ли я петь, как прежде?! Конечно смогу, научусь! Первый раз же научилась!

Иден смотрит на меня удивлённо, даже восхищённо и говорит:

— Какой задорный мотив, это вы в Гемшире слышали эту мелодию?

— В Зем-шире! — хмыкаю я. — Не важно, не важно, где я это слышала, Иден, просто записать нужно, пока не забыла. Вот, уберите блокнот, пожалуйста. Положите куда-нибудь в сухое надёжное место!

Иден уносит мои записи обратно в спальню, а я поливаю себя ароматным маслом, которое вспенивается от прикосновения с водой. Опускаюсь на бортик, проходясь губкой по плечам и груди.

Через пару минут девушка возвращается, и предлагает помощь с мытьём головы. Но нет, я сама прекрасно со всем справлюсь, всегда справляюсь сама, лишь прошу подать шампунь, и мне передают специальное масло для волос, которое тоже от воды начинает пениться.

Иден подаёт халат, и я выбираюсь из купели весьма и весьма посвежевшая. Дальше следует нечто странное, герцогиня кладёт мне на голову ладони, от них исходят свет и жаркое тепло, я испуганно пячусь назад:

— Э-эй! Можно без рук?!

— Не бойтесь, это же всего лишь магия, — Иден ласково улыбается. — Я посушу вам волосы, чтобы вы не тратили свои силы, ведь теперь у вас малыш.

Я замираю, позволяя девушке сушить. Нужно делать вид, что всё в порядке вещей и ни в коем случае не удивляться, что вам сушит волосы не фен, а целая герцогиня собственными руками!

После сушки, Иден, подобно Марти Мартину, извлекает из кармана платья камешек, делает какие-то жесты, и перед нами вспыхивает портал.

— Зачем это? — Я стреляю подозрительным взглядом в девушку.

— Мы пройдем в приготовленные для вас покои, я помогу вам нарядиться к обеду.

— А чьи это комнаты? — указываю на дверь, из которой мы пришли.

— Это покои драгая. Признаюсь, мне неловко тут находиться, я никогда тут не бывала. Ну что, идёте? — Иден указывает на портал.

— А пешком дойти нельзя?

— В таком виде? Нет, — усмехается она, обводя меня в халате. — Да и идти придётся через весь дворец, а это очень далеко и долго, мы так на обед точно опоздаем — и драграй больше никогда мне ничего серьёзного не поручит. Не хочу его подводить.

Иден дружески берёт меня под руку и ведёт к светящемуся кругу. Кажется, она не собирается причинять мне вреда, и я решаюсь следовать за ней.

Осторожно шагаю вперёд, но, оказавшись на той стороне, замираю, разинув рот от восхищения! Почему я ещё раздумывала?!

13

Просторный светлый зал с высокими сводчатыми потолками. У Вальтера тоже были высокие потолки, но полумрак как-то скрадывал пространство. В моих же “апартаментах” в окна ярко бьёт солнце, на стенах полно зеркал, и вся комната переливается в искрящихся лучах, словно хрустальный эльфийский дворец. Белый паркет, белая мебель, и белая, стоящая на возвышении, словно на сцене, кровать, таинственно прикрытая полупрозрачным балдахином.

И тоже зеркало напротив — хм, кто-то очень любит любоваться на себя! Это мне прям угодили.

Но не столько обстановка комнаты приводит в изумление, сколько то, что я вижу за панорамным окном. Это мир! Огромный светлый мир, с ясным синим небом и облаками, которые парят воздушными зефирками прямо за стеклом. Совершенно замороженная, я подхожу ближе, рассматривая землю до самого горизонта с множеством маленьких милых домиков, цветущими садами, лужайками, белыми курочками и зайчиками, прыгающими по травке. И лошадками, гуляющими по берегам рек. У каждой из лошадок на лбу торчит рог — значит, Марти Мартин не соврал про единорогов?! Так вот, откуда сказки про них — они живут здесь, в Аэллирии!

О, радуга! А там вторая! А-а-а! Двойная радуга — это точно к удаче! Говорю, же я держу удачу за хвост. Вернее, теперь она несёт меня на спине, на своей радужной спине, и я обязательно избавлюсь от проклятия и буду жить.

И ведь как же живописно тут! Восторг плещется внутри от созерцания прекрасной земли. Мы высоко, очень высоко, словно на горе, и в моём сердце льётся торжественная песнь, которую я хочу немедленно записать.

— А мой блокнот! Мы забыли блокнот у Вальтера!

— Леди Аннабет! — шикает Иден. — Никому нельзя так называть Его Величество, даже вам!

— И даже вам?! Вы же, кажется, его кузина. А вообще-то, он мне разрешил вчера, когда мы были в постели. Так что буду называть его Валюшка!

— Леди Аннабет! — смущаясь восклицает юная герцогиня. — Ох, Леди Аннабет... Ладно, называйте Его Величество, как хотите, вам самой же с ним разбираться, а сейчас прошу, одевайтесь, — Иден жалобно стонет, сотрясая в руках пышное, сверкающее в лучах солнца золотистое платье.

При взгляде на сияющую прелесть, мои глаза мигом разгораются, как у хищника при виде добычи.

— Давайте, конечно, чего мы ждём?! Скорее пора наряжаться! — восторженно верещу я, стремительно приближаясь к герцогине.

Ощупываю наряд — мне всё очень нравится. Ткань плотная, дорогая. И вышивка с бриллиантовыми узорами просто идеальная.

Леди Иден протягивает мне панталоны, и я скептически поднимаю бровь. Они хотят, чтобы я носила панталоны? Ну не-е-ет.

— А у вас можно трусики на заказ сшить? Кружевные? — спрашиваю Иден, чем ввожу её в ступор.

— На заказ, конечно, можно сшить всё. Но что такое “трусики”?

— Ай, ладно, просто пришлите мне портниху или кто этим занимается, я расскажу, что мне надо. И покажите мне все платья, какие здесь есть! Я хочу видеть всё!

К сожалению, оказалось, что платьев немного. Вот это золотое и ещё серебристое, их сшили для моего временного пребывания в Драгонхайме, дворце Императора, и это пребывание планировалось не более суток.

Ну да, золотое платье более выигрышно смотрится для императрицы на обеде в её часть — так что решено. А в серебряном можно по комнате ходить вместо пижамы — так и сделаю.

Платье село шикарно. Я сверкаю миллионами искр. Грудь идеально подчёркнута корсажем, слегка расшнурованным сверху, а снизу наоборот туго затянутым — я специально так сделала, чтобы всё стояло, как надо.

Макияж здесь ещё не изобрели. Смотрю на Иден — она стоит бледная, как мышь. Но я так не могу. Нашла угольный карандаш и умудрилась сделать подводку глаз — причём идеально. Кожа у меня новой нежная, бархатная, ровного тона, и щёчки румяны — вот, что делает молодость и хорошо проведённая ночь! А вот губы стоит сделать ярче. И я, осмотрев блюдо с фруктами, нахожу вязкий красный огурчик. Не знаю, что это и как называется, но цвет даёт приятный, розоватый.

Иден несёт шкатулку с украшениями, и говорит, это драграй приготовил специально для меня к этим платьям, которые тоже выбирал сам.

В шкатулке несколько комплектов, и я, конечно, выбираю тот, что побольше, посолиднее и ярче блестит.

— Ну вот, я и готова. Надеюсь, что все уже проголодались меня ждать!

— Леди Аннабет, до обеда ещё час. Собираться ещё никто не начал. Это я вас пораньше начала поднимать и собирать во избежание неприятных задержек — драграй бы мне не простил оплошности. И у нас как раз осталось время на мэтра Юрге!

Иден, ты будешь моим личным менеджером, с тобой я никуда больше не опаздаю!

— Мэтр Юрге! — зовёт герцогиня. — Войдите, пожалуйста!

— Раз у нас ещё есть время, то, Иден, вызовите ко мне, пожалуйста, советника Императора... м-м... де Мартина! Пусть приходит немедленно!

— Де Мартена? — Иден удивлённо ширит глаза, словно я выдала какое-то ругательство. — Зачем? Вы же заклятые враги!

— А теперь мы лучшие друзья! Пригласите, пожалуйста.

— Хорошо, велю передать, что вы хотите его видеть, — кивает герцогиня, впуская в комнату мэтра.

Я ждала появления какого-нибудь дряхлого зелёного старичка, похожего на Марти Мартина, но этот мир снова меня удивил.

14

Мэтр Юрге — божественно красивый молодой человек, с модельным лицом, почти копия Элвиса Пресли, только блондин. Волосы белые, как молоко, глаза голубые, сияют жизнью и молодостью, добрая улыбка и острые ушки, хм!

Мужчина приветствует меня мягким баритоном и подносит к губам мою ладонь, в этот момент от моего опытного взгляда не укрываются следы на пальцах.

— Что это у вас? Вы играете на гитаре?!

— На гитаре? Что это? Я играю на алунде, леди Аннабет.

— Алунд? Но на нём есть струны?

— Да, леди Аннабет, есть, пять струн.

— У вас на пальцах характерные следы, концерт всю ночь давали? — Уверена всю ночь кутил, такой красивый парень. Наверное, тоже стадионы местные собирает, даром, что мэтр.

— Что? Нет, леди Аннабет, что вы! Всю ночь спал, как младенец. Я занимаюсь с утра, играю для гармонии души на нашем национальном инструменте, полезно для долголетия.

— На вашем?

— Леди Аннабет, вы в порядке? Вы никогда не интересовались музыкой и никогда не спрашивали как устроен эльфийский инструмент.

— Всё меняется, — произношу осторожно.

В этом мире ещё и эльфы есть! Может, и единорогов покажут?

— Леди Аннабет, — хмыкает мэтр. — Вы так смотрите на меня, будто впервые увидели.

— Я не часто вижу... эм-м... эльфов.

— А как же мэтр Ларге? — лицо мужчины вытягивается. — Вы достаточно тесно общались...

Господи, вот я палюсь!

— Я воспринимала его по-другому, — ищу отговорку я.

— Ах да, понимаю... — Юрге так смотрит на меня, будто я непременно должна сейчас покраснеть. Знать бы за что!

Для приличия отвожу взгляд и вожу ножкой по полу.

— Мы эльфы-друиды, конечно, весьма похожи, но у всех разный темперамент, так что я вас понимаю. Ну, что ж, присядьте, пожалуйста. Драграй велел мне следить за вашим здоровьем. Прошу.

Повинуясь мэтру, иду к дивану. Мы оба садимся, и герцогиня Иден, отдав распоряжения прислуге, присоединяется к нам.

Взгляд девушки озарён умилением и полон трепета, словно вот-вот настанет ответственный миг, которого долго с нетерпением ждали.

Мэтр берёт меня за руку и прикрывает глаза. Ресницы у него тоже белые, хотя на вид мужчине от силы двадцать пять. Удивительные эти эльфы.

Проходят томительные минуты гробовой тишины, и мужчина, наконец, распахивает глаза, горящие синим, словно огни гирлянды. Губы его растягиваются в улыбке:

— Поздравляю, леди Аннабет, — мэтр трясёт мою руку. — Поздравляю, вы беременны и с малышом всё замечательно! Я должен немедленно доложить об этом драграю, чтобы он мог сделать официальное заявление за обедом. Но у вас ослабленная кровь из-за... хм, в общем нужны питательные эликсиры. Будете принимать утром, в обед и вечером во время еды. Прогулки обязательно два раза в день на свежем воздухе по два часа, и никаких крепких и сладких напитков, все торты и пирожные под запретом, всё солёное и острое тоже нельзя. Готовить вам будут без соли.

Я выслушиваю мэтра, у меня отвисает челюсть. Я в шоке. Мне нельзя ничего! Лучше бы перечислил, что мне можно! Воду с сухарями, что ли?

— Всё, оставляю вас, милые леди, побежал к Императору. До встречи за обедом!

Мэтр Юрге радуется моей беременности, как ребёнок мороженке, и торопится сообщать счастливому отцу.

— Какие же милые эти друиды, — вздыхает Иден. — Я встречала в жизни троих — и все прелесть. Я бы с радостью вышла замуж за одного из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.